

Э.А. Саркисова, профессор кафедры уголовного права и криминологии УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

О ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Институт вины в праве издавна связывался с двумя ее формами – умыслом и неосторожностью. Вспомним, к примеру, положение ст. 3 российского Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, принятого более 150 лет назад и применявшегося в те времена и на территории Беларуси. В ней говорилось, что преступления и проступки суть умышленные и неумышленные [1]. И хотя в этой статье прямо не указывалось на неосторожную форму вины, она упоминалась в других статьях.

Подразделение вины на две ее формы обуславливает различную степень ответственности виновных в причинении вреда охраняемым уголовным законом отношениям. Особое значение такое подразделение имеет, в частности, при оценке причинения вреда ценнейшему человеческому благу – жизни.

Умышленное лишение жизни человека (в УК Республики Беларусь теперь оно именуется убийством) традиционно расценивается законом как более тяжкое преступление по сравнению с лишением жизни по неосторожности. И в целом общепризнанным и закрепленным в уголовном законодательстве большинства государств является более мягкий (льготный) подход к лицам, виновным в совершении преступлений по неосторожности, в сравнении с подходом к виновным в совершении умышленных преступлений.

Прежде всего это отражается на законодательной классификации преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности. Преступления, совершенные по неосторожности, как правило, не относятся к преступлениям повышенной общественной опасности (тяжким или особо тяжким). Такой подход был закреплен в ранее действовавшем (советском) законодательстве и воспринят ныне. В частности, ст. 18 Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ предусматриваются четыре категории преступлений, но преступления, совершенные по неосторожности, включены в категории небольшой и средней тяжести. Тяжкими и особо тяжкими преступлениями признаются только умышленные преступления.

Модельный кодекс ориентировал государства на отказ от существовавшего в советском законодательстве подхода, согласно которому за неосторожные преступления, повлекшие особо тяжкие последствия,

предусматривалась возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок до 15 лет. Для любых преступлений, совершаемых по неосторожности, было рекомендовано установление срока этого наказания не более семи лет.

В настоящее время в Уголовном кодексе Республики Беларусь прослеживается достаточно гуманное отношение к лицам, совершившим такие преступления. Для санкций статей, предусматривающих ответственность за их совершение, не характерна жесткость, несмотря даже на особо опасные последствия, связанные с гибелью людей. Срок лишения свободы за преступления, совершенные по неосторожности, не может превышать семи лет. Отбывается наказание в виде лишения свободы, назначенное за рассматриваемые преступления, в исправительных колониях-поселениях.

Судимость в отношении осужденного за преступление, совершенное по неосторожности, погашается сразу по отбытии (исполнении) основного и дополнительного наказаний.

Лица, совершившие преступления по неосторожности, имеют существенные льготы при применении законов об амнистии. Например, согласно ст. 6 закона от 5 мая 2009 г. «Об амнистии в связи с 65-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» подлежали освобождению от наказания в том числе и лица, которым было назначено наказание за преступления, совершенные по неосторожности, если они на день вступления в силу данного закона отбыли не менее одной четверти назначенного срока наказания.

В соответствии с законом Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. «Об амнистии в связи с 65-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» подлежали освобождению от наказания в виде ограничения свободы, направления в дисциплинарную воинскую часть, лишения свободы лица, совершившие менее тяжкие преступления, если они на день вступления его в силу отбыли не менее одной четверти назначенного срока наказания (ст. 3), а также лица, совершившие преступления, не представляющие большой общественной опасности, независимо от срока отбытого наказания. Правда, в ст. 10 названного закона в перечень преступлений, за совершение которых установлен запрет на освобождение от наказания, законодатель включил целый ряд неосторожных преступлений, повлекших последствия в виде гибели двух и более лиц. Однако за их совершение закон не предусматривает запрет на сокращение срока назначенного наказания на один год (ст. 11).

В этой связи в целом льготный подход к лицам, совершившим преступления по неосторожности, независимо от тяжести наступивших последствий требует достаточно четкого разграничения умысла и не-

осторожности, с тем чтобы любой виновный в причинении вреда был подвергнут справедливому, соответствующему тяжести содеянного наказанию. Особенно это важно, как уже отмечалось, при квалификации содеянного, результатом которого явилось наступление смерти человека. При этом трудности на практике возникают чаще всего при отграничении неосторожности в виде легкомыслия от такого вида умысла, как косвенный.

Вопрос о разграничении указанных видов умысла и неосторожности не новый. Он нередко был предметом исследований в науке уголовного права как в досоветский, так и в советский период. Достаточное внимание уделено ему современными учеными при исследовании форм вины как обязательного признака субъективной стороны преступления. Между тем стремительный рост преступлений, признаваемых неосторожными, в том числе и влекущих тяжкие или особо тяжкие последствия, требует возвращения к этому вопросу с целью более четкой уголовно-правовой оценки этих преступлений с точки зрения психического отношения виновного к содеянному, отмежевания их от умышленных, устранения недосказанностей и несогласованностей, не позволяющих давать более строгие оценки в тех случаях, когда имеет место явное пренебрежение правилами предосторожности.

Надо отметить попытки отечественного законодателя не только закрепить сами понятия косвенного умысла и легкомыслия, как и других видов вины, но и раскрыть их содержание.

При этом, хотя смысл данных понятий в целом не менялся, законодательные их характеристики совершенствовались, что являлось следствием глубоких научных проработок вопросов, связанных с виной. Если в упомянутом Уложении о наказаниях уголовных и исправительных содержание умысла и неосторожности еще не было раскрыто, то в Уголовном уложении, принятом 22 марта 1903 г., уже раскрывалось содержание указанных форм вины. Согласно ст. 48 данного Уложения преступное деяние считалось умышленным не только тогда, когда виновный желал его учинения, но и тогда, когда он сознательно допускал наступление последствия, обусловливавшего преступность его деяния. Преступное деяние считалось неосторожным тогда, когда виновный его не предвидел, хотя мог или должен был предвидеть, но также и тогда, когда он хотя и предвидел наступление последствия, обусловливавшего преступность это деяния, но легкомысленно предполагал такое последствие предотвратить [2, с. 116].

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., действие которого распространялось и на территорию Беларуси, косвенный умысел как вид умышленной вины определялся вместе с прямым, а легкомыслие как вид неосторожной вины – с небрежностью. Сами же названия видов вины от-

существовали. Сущность их комментировалась наукой уголовного права. В соответствии со ст. 11 УК 1922 г. под косвенным умыслом понималось такое отношение лица, когда оно предвидело последствия своего деяния и сознательно допускало их наступление. А под легкомыслием (в теории этот вид неосторожности назывался самонадеянностью) понималось такое отношение лица к содеянному, когда оно легкомысленно надеялось предотвратить последствия своих действий [3, с. 117].

В ст. 9 УК БССР 1928 г. содержание косвенного умысла и легкомыслия в целом сохранилось [4]. Указание на предвидение последствий при легкомыслии как в УК 1922 г., так и в УК 1928 г. отсутствовало. В УК БССР 1960 г., так же как и в предыдущих УК, все виды вины объединялись понятиями умышленной и неосторожной вины. Но эти понятия уже были более четкими. В смысл косвенного, как и прямого умысла, были включены осознание виновным общественно опасного характера своего деяния, предвидение его общественно опасных последствий. Третья составляющая косвенного умысла сохранилась в прежнем виде – сознательное допущение этих последствий (ст. 8). В содержание легкомыслия уже четко вкладывалось предвидение виновным возможности наступления общественно опасных последствий, а также легкомысленный расчет на их предотвращение (уже не надежда, а расчет) (ст. 9) [5].

И наконец, более совершенными по сравнению с предыдущими определениями видов вины стали определения, содержащиеся в ст. 22 и 23 УК 1999 г. УК уже четко обозначил названия всех видов вины – прямой, косвенный умысел, легкомыслие, небрежность, а также уточнил их содержание. Косвенный умысел стал трактоваться более широко: третья его составляющая, относящаяся к волевому моменту, указывала, во-первых, на нежелание наступления общественно опасных последствий деяния, во-вторых, на сознательное их допущение и, в-третьих, (как вариант предыдущего) на безразличное к ним отношение (ч. 3 ст. 22). В содержание легкомыслия вложены предвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий и расчет без достаточных оснований на их предотвращение (ч. 2 ст. 23). Иными словами, под легкомысленным отношением (легкомысленным расчетом) подразумевается отсутствие достаточных оснований для предотвращения общественно опасных последствий.

При отграничении легкомыслия от косвенного умысла будем исходить из вышеуказанных законодательных формулировок, которые, по нашему мнению, достаточно отработаны наукой и выверены практикой. Безусловно, и они нуждаются в совершенствовании, на чем уже настаивают ряд ученых. Но для нас в настоящее время основой для установления общих и отличительных признаков данных видов вины являются положения действующего УК (презумпция их правильности).

При рассмотрении вопроса о разграничении легкомыслия и косвенного умысла многие авторы указывают на типичные признаки, различающие эти виды применительно к интеллектуальному и волевому моментам вины. Мы представим их в обобщенном виде.

1. Осознание общественно опасного характера деяния (интеллектуальный признак).

При косвенном умысле лицо сознает общественно опасный характер совершаемого деяния, об этом прямо указано в его формулировке. Формулируя легкомыслие, законодатель не указывает на осознание лицом общественно опасного характера деяния. Из этого вытекает, что такое осознание у лица отсутствует, поскольку оно рассчитывает на предотвращение возможных последствий своего деяния. Однако, как правило, лицо сознает противоправность своих действий или бездействия, но поскольку оно исключает наступление общественно опасных последствий, которые могут наступить вследствие его противоправного поведения, осознание у него общественной опасности деяния как признака преступления отсутствует. Отметим также, что единства по данному вопросу в литературе не наблюдается.

2. Предвидение общественно опасных последствий (интеллектуальный признак).

При косвенном умысле лицо предвидит наступление общественно опасных последствий. При этом, как правильно отмечается в литературе, лицо предвидит вероятность их наступления и только в данном конкретном случае (конкретность предвидения). При легкомыслии, как следует из формулировки закона, лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. И такое предвидение, как указывают большинство авторов, является абстрактным, не относящимся к данному конкретному случаю, хотя в этом можно усомниться. На наш взгляд, если лицо сознательно нарушает какие-то правила предосторожности, оно предвидит возможность наступления последствий именно в данном конкретном случае. Иначе зачем ему было рассчитывать на их предотвращение? Ведь расчет имеет место именно в данном конкретном случае и при нарушении конкретных правил предосторожности. И этот момент сближает легкомыслие с косвенным умыслом. Другое дело, что сами последствия предвидятся лицом в абстрактном виде: это может быть гибель человека, причинение вреда его здоровью любой степени тяжести и т. п. А этот момент отграничивает легкомыслие от косвенного умысла.

3. Волевое отношение к общественно опасным последствиям.

При косвенном умысле лицо не желает, но сознательно допускает наступление общественно опасных последствий либо относится к ним безразлично. При легкомыслии лицо рассчитывает на предотвращение общественно опасных последствий, не имея на то достаточных оснований.

Касаясь волевого момента легкомыслия, многие авторы отмечают следующее.

Расчет на предотвращение общественно опасных последствий при легкомыслии заключается в том, что в реальной действительности имеются конкретные обстоятельства, позволяющие виновному рассчитывать на предотвращение общественно опасных последствий (объективный фактор), и что лицо уверено в том, что именно эти обстоятельства помогут ему предотвратить возможные последствия (субъективный фактор). При этом именно такой расчет, по мнению виновного, и является достаточным основанием для того, чтобы возможные последствия не наступили. И именно такой расчет, как считают большинство ученых, является существенным разграничительным признаком легкомыслия и косвенного умысла. Он же является и показателем того, что виновное лицо не сознает общественной опасности совершаемого деяния. В свое время белорусский ученый М.Н. Меркушев писал, что каждый человек может мыслить и строить расчеты в соответствии со своими способностями и руководствоваться знаниями и навыками, имевшимися у него до совершения им деяния. Мы не располагаем данными о том, сколько лиц стали жертвами своей самонадеянности, но именно то, что какая-то часть этих лиц заплатили за свою самонадеянность жизнью или здоровьем, служит объективным и очень убедительным доказательством того, что при самонадеянности субъект не сознает общественной опасности своих действий [6, с. 24]. К сказанному добавим, что отсутствие у лица уверенности в ненаступлении общественно опасных последствий при грубых нарушениях установленных правил предосторожности говорит о том, что оно все же сознает общественно опасный характер своих действий, и это свидетельствует не в пользу наличия преступного легкомыслия.

Таким образом, при легкомыслии всегда должна присутствовать уверенность лица в том, что общественно опасные последствия не наступят. И эта уверенность должна основываться на объективно существующих обстоятельствах. Однако при легкомыслии она формируется без достаточных оснований, то есть те конкретные обстоятельства, на которые рассчитывало лицо, не явились достаточно надежными в данном случае.

Отсутствие же в реальной действительности конкретных обстоятельств, на которые могло бы рассчитывать лицо, не может придать ему уверенности в том, что последствия будут предотвращены. Поэтому имевшийся, по мнению лица, расчет превращается лишь в надежду на авось, что характерно уже не для легкомыслия, а для косвенного умысла.

Следовательно при оценке субъективной стороны преступления в тех случаях, когда сознательно нарушаются правила предосторожно-

сти, необходимо начинать с установления того, что можно объективно оценить, – с установления наличия реальных обстоятельств, способных создать у лица уверенность в предотвращении возможных общественно опасных последствий. Именно такой подход позволит установить и те признаки, разграничивающие легкомыслие и косвенный умысел, которые относятся к осознанию общественно опасного характера деяния и предвидению его общественно опасных последствий.

К сожалению, практика далека от такого подхода. Сложился стереотип: если нарушены какие-то правила предосторожности, повлекшие общественно опасные последствия (чаще всего это смерть человека, причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения), то констатируется наличие неосторожной вины. На это обоснованно указывается и в литературе. Так, А.И. Рарог пишет: «Легкомыслию присущи, во-первых, предвидение возможности наступления вредных последствий, а во-вторых, отражение сознанием виновного каких-то реальных факторов, которые и кладутся виновным, хотя и неосновательно, в основу расчета избежать наступления этих последствий. Между тем в судебно-следственной практике и научных исследованиях нередко вывод о наличии легкомыслия делается без учета двух отмеченных особенностей этого вида неосторожности, а лишь исходя из того, что виновный осознавал факт нарушения определенных норм социального поведения» [7, с. 635].

Более того, на практике при подобных нарушениях правил предосторожности часто вообще не ставится вопрос о возможной квалификации содеянного как совершенного умышленно, то есть с косвенным умыслом.

Приведем пример. Трое сельскохозяйственных рабочих в рабочее время распили спиртные напитки, в результате чего водитель трактора К. оказался в сильной степени опьянения. Двое других тоже были пьяны. Но спиртного оказалось мало, и они решили поехать за ним на тракторе в магазин. Водитель К. предложил Ж., который не имел навыков вождения, сесть за руль, пообещав, что будет ему помогать, переключая скорости. Кроме того, водитель знал об имевшихся неисправностях трактора. В итоге в кабине трактора оказались трое пьяных, двое из которых совместно пытались управлять машиной. Результатом такого управления явился наезд на мосту деревни на троих ее жителей, шедших не по проезжей части, которые погибли, в том числе и 15-летний ребенок. В деяниях виновных суд усмотрел наличие неосторожной вины.

Однако обстоятельства по данному делу не свидетельствуют о том, что имела неосторожная вина. Сам характер допущенных наруше-

ний, а также отсутствие обстоятельств, на которые могли бы рассчитывать виновные, исключают возможность признания того, что они без достаточных оснований рассчитывали на предотвращение наступивших общественно опасных последствий.

А нарушения состояли в следующем:

1) Ж., не имея водительского удостоверения и опыта управления транспортным средством, находясь в состоянии алкогольного опьянения, сел за руль трактора, к тому же технически неисправного, и совершил поездку на нем по территории, где находились люди;

2) несмотря на то что сидевший рядом пассажир Д. предупреждал о необходимости ехать на малой скорости, Ж. превысил ее, хотя это было недопустимо вообще, поскольку культиватор трактора длиной шесть метров находился в разложенном состоянии;

3) Ж. пересек мост, на котором происходит сужение дороги, не учитывая габаритов культиватора и не обращая внимания на предостережения пассажира Д. о том, что на мосту находятся люди;

4) сам водитель К., неправомерно позволивший управлять транспортным средством Ж., пытался, будучи в сильной степени опьянения, управлять им, переключая передачи и не оценивая реально обстановку, в которой происходило движение трактора.

Действия Ж. были квалифицированы по ч. 3 ст. 317 УК, а К. – по ч. 2 ст. 318 УК. Оба осуждены к семи годам лишения свободы.

В кассационной и надзорных жалобах потерпевший, отец погибшего ребенка и сын одной из погибших женщин, указывал, что трактором управляли одновременно пьяные Ж. и К., и просил признать обоих виновными в убийстве, подчеркивая, что суд не дал оценку субъективной стороне содеянного данными лицами. Он отметил, что в приговоре отсутствуют доказательства наличия их неосторожной вины, тогда как обстоятельства дела свидетельствуют о косвенном умысле виновных, то есть они, управляя технически неисправным транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, к тому же Ж. не имел навыков и права на управление им, сознавали общественно опасный характер совершаемых действий, предвидели, что в результате их могут наступить общественно опасные последствия и хотя и не желали их, безразлично к ним отнеслись.

В ответе прокурора на одну из последних жалоб потерпевшего уже содержалась попытка проанализировать субъективную сторону содеянного. Однако доводы в пользу того, что в данном случае имела место неосторожная вина в виде легкомыслия, весьма неубедительны. В частности, в ответе указывалось: Ж. показал, что, садясь за руль трактора вместо К. (водителя, находившегося в сильной степени опьянения), он руководствовался благими намерениями, поскольку был менее пьян,

чем К., и чтобы избежать возможного дорожно-транспортного происшествия, рассчитывая, что может справиться с управлением трактора, сел за руль при условии, что передачи будет переключать К., так как сам не умел это делать.

По сути, доводы прокурора о наличии неосторожной вины основывались лишь на показаниях виновных, которые ко времени их дачи уже, вероятно, были трезвыми. Объективно же ситуация не оценивалась. Не было также учтено, что как Ж., так и К. были в состоянии алкогольного опьянения. Какими «благими намерениями» мог руководствоваться Ж., садясь за руль трактора: 1) не имея никаких навыков вождения, 2) будучи в состоянии алкогольного опьянения, 3) соглашаясь, что ему будет помогать управлять машиной пьяный водитель. Если эти обстоятельства, по мнению прокурора, осознаваемые нетрезвым виновным, его оправдывают в пользу наличия неосторожности, то не могут ли они, наоборот, свидетельствовать об осознании общественно опасного характера совершаемых действий и предвидении возможности (и даже вероятности) наступления общественно опасных последствий?

Характерно еще и то, что прокурор соглашается с тем, что и Ж. и К. сознавали общественно опасный характер своих действий (это ли не показатель наличия умысла?), но предпринимали меры к их предотвращению, легкомысленно надеясь на то, что им удастся избежать ДТП. Непонятно, как виновные могли пытаться предотвратить свои действия (а не последствия, что характерно для легкомыслия).

Данная оценка юристом по должности является ярким показателем желания объяснить необъяснимое и по-прежнему следовать практике, складывающейся без какого-либо внимания к проблеме разграничения косвенного умысла и легкомыслия.

При оценке происходящего возникает два вопроса. Имелись ли в реальной действительности обстоятельства, которые могли бы быть основанием расчета виновных на предотвращение общественно опасных последствий? Могли ли указанные лица вообще адекватно оценить наличие таких обстоятельств (даже если бы они и были) как основание для создания уверенности в предотвращении возможных последствий?

Как указывает Н.А. Бабий, при легкомыслии имеется активное нежелание наступления общественно опасных последствий, поскольку субъект прилагает определенные усилия для противодействия опасности либо посредством собственных действий, либо путем задействования определенных факторов или обстоятельств, способных предотвратить их. Необходимым условием волевого расчета является наличие у лица знания того, что любой из факторов существует реально, объективно обладает такими качествами и притом в такой степени, в кото-

рой это необходимо для предотвращения последствий, будет реально задействован для этого. И если нежелание субъекта в отношении последствий не выразилось в какой-либо активной форме, как это описано при характеристике волевого элемента преступного легкомыслия, то мы имеем дело с косвенным умыслом [8, с. 83]. В таких случаях виновные тоже не желают наступления общественно опасных последствий, но надеются лишь на авось, что и характерно для косвенного умысла. А такое волевое отношение к последствиям меняет и характеристику интеллектуального признака вины в части осознания общественно опасного характера совершаемого деяния. Надежда лица на авось не дает оснований считать, что оно не сознавало общественно опасный характер деяния, тогда как отсутствие осознания лицом этого есть свидетельство наличия легкомыслия. Поэтому вполне можно согласиться с И.О. Грунтовым, предложившим скорректировать законодательное понятие легкомыслия путем введения в него положения о том, что лицо не сознавало общественно опасный характер своих действий или бездействия [9, с. 58]. Данное положение явится дополнительным признаком, достаточно четко отграничивающим легкомыслие от косвенного умысла. Но не исключается и точное установление всех признаков в совокупности, характеризующих либо легкомыслие, либо косвенный умысел.

Попутно в связи с поставленной проблемой возникают следующие вопросы. В полной ли мере реализуется принцип гуманизма уголовного закона, главной составляющей которого является обеспечение физической, психической, материальной, экологической и иной безопасности человека? Оптимальны ли меры, установленные уголовным законом в целях охраны наивысшей человеческой ценности – жизни?

Отметим как положительный момент то, что установление ответственности за преступления, совершаемые по неосторожности, как правило, связано с причинением существенного вреда жизни или здоровью человека. Иными словами, под охрану уголовного закона, несмотря на форму вины, поставлены ценные объекты – жизнь и здоровье. При этом жизнь человека выступает в качестве ценнейшего блага как правоохраняемого объекта. Но при ее защите нужен особый подход.

Причинение смерти по неосторожности в качестве последствия совершенного преступления предусмотрено в 50 статьях УК. Но если исключить из этого числа преступления со сложной виной, признаваемые в целом совершенными умышленно, то и в этом случае цифры, свидетельствующие об уголовно-правовой охране человеческой жизни при совершении преступлений по неосторожности, будут тоже весьма внушительными. Составов преступлений, признаваемых неосторожными, в результате которых наступает смерть человека, насчитывается

в УК 35. При этом характерно, что только в 6 случаях указывается на причинение смерти двум или более лицам. Это свидетельствует о том, что закон, как правило, не дифференцирует ответственность в зависимости от количества погибших. Иными словами, количество утраченных жизней не влияет, как правило, на степень общественной опасности содеянного. Суд в любом подобном случае при условии назначения самого строгого наказания – лишения свободы – не сможет превысить его максимальный срок – семь лет. Но даже и при установлении такого предела законодатель не всегда последователен. Например, за причинение смерти по неосторожности двум или более лицам максимальный срок наказания в виде лишения свободы составляет пять лет (ч. 2 ст. 144 УК). Более того, в санкции данной нормы предусмотрено и альтернативное наказание в виде ограничения свободы на срок до пяти лет.

В целом ряде статей УК, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления, не прослеживается приращение особой значимости жизни как особо охраняемому объекту. Причинение смерти указывается в качестве последствия совершенного деяния наряду с причинением тяжкого телесного повреждения, что не исключает возможности назначения равных наказаний при причинении как смерти, так и тяжкого телесного повреждения. Таких составов насчитывается в УК 19, а в 3 из них указанные последствия объединены и с менее тяжкими телесными повреждениями.

Тем не менее каждый год вследствие небрежного или легкомысленного отношения субъектов к правилам предосторожности, установленным в целях избежания тяжких последствий, гибнет огромное количество людей. Так, в 2009 и 2010 гг. в нашей республике по указанной причине погибли соответственно 855 и 728 человек, в том числе в результате преступного нарушения правил дорожного движения – 728 и 661 человек.

Часты случаи, когда нарушение правил дорожного движения совершается водителями, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. И даже такое грубейшее нарушение не позволяет судам квалифицировать содеянное как преступление, совершаемое умышленно, поскольку теоретически до сих пор не установлена четкая грань между легкомыслием и косвенным умыслом. На практике независимо от состояния водителя, степени грубости его нарушений, других обстоятельств, свидетельствующих о наличии у лица косвенного умысла, наступление уголовно наказуемых последствий расценивается как нарушение правил дорожного движения, то есть как преступление, совершенное по неосторожности. И какие бы последствия в результате таких нарушений ни наступили, преступники всегда оказываются в

льготном положении по сравнению с лицами, совершившими умышленные преступления.

В связи с изложенным представляют интерес подходы законодателей государств ближнего зарубежья.

Надо отметить, что не все государства СНГ точно спроецировали в своем законодательстве вышеуказанные положения Модельного кодекса относительно рамок уголовной ответственности за неосторожные преступления.

Во-первых, не все законодатели восприняли принцип классификации преступлений, согласно которому в категории тяжких и особо тяжких преступлений не должны включаться преступления, совершаемые по неосторожности. Согласно УК Азербайджанской Республики и Туркменистана в категорию тяжких входят и неосторожные преступления.

Во-вторых, УК большинства государств СНГ теперь устанавливают максимальный срок наказания в виде лишения свободы не в 7, а в 10–12 лет. С учетом роста преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения, и тяжести причиняемого ими вреда некоторые государства вынуждены были отойти от ранее воспринятых мягких подходов к наказуемости таких преступлений и существенно ужесточили санкции соответствующих статей. Однако системности в урегулировании данного вопроса не наблюдается. При ужесточении санкций за нарушение правил дорожного движения санкции статей, предусматривающих ответственность за другие неосторожные преступления при аналогичных последствиях, остались прежними.

Более взвешенным следует признать подход законодателей целого ряда государств СНГ к регулированию ответственности за преступления, совершаемые по неосторожности, которые не связаны предельным 7-летним сроком наказания в виде лишения свободы, а установили более высокий его предел, особенно за те преступления, которые повлекли гибель двух или более лиц (УК Российской Федерации, Республики Молдова, Украины и др.). Однако такие санкции должны вводиться не только за нарушение правил дорожного движения, но и за другие преступления, связанные с грубым нарушением правил предосторожности и повлекшие гибель людей. Тем самым можно было бы обеспечить оптимальную защиту жизни человека, несмотря на форму вины совершаемых преступлений.

Исходя из изложенного, вырисовывается следующее:

1) ужесточение ответственности за преступления, совершенные по неосторожности, повлекшие гибель людей, должно стать насущной задачей законодательных и правоприменительных органов;

2) в данном процессе целесообразно обеспечить унификацию законодательных подходов к регулированию ответственности за указанные преступления;

3) вполне обоснованным, на наш взгляд, можно считать перевод указанных преступлений в категорию тяжких преступлений;

4) причинение смерти двум или более лицам в результате преступлений, совершенных по неосторожности, целесообразно признать особо тяжкими последствиями;

5) процесс ужесточения санкций за неосторожные преступления требует обеспечения принципа системности;

6) особого внимания заслуживает необходимость совершенствования теоретических концепций уголовного права в части определения понятий косвенного умысла и легкомыслия в целях их четкого разграничения на практике для правильной уголовно-правовой оценки грубейших нарушений правил предосторожности, особенно если они совершаются лицами, находящимися в состоянии опьянения.

1. Сводъ законовъ уголовныхъ. Ч. 1: Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. СПб., 1885.

2. Евангуловъ Г.Г. Уголовное уложение (ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ 22 марта 1903 г.). СПб.: Изд-во юрид. кн. склада «Право», 1903.

3. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. лит., 1953.

4. СЗ БССР. 1928. № 30. Ст. 288.

5. Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 1938–1967 гг. Т. 2. Минск: Беларусь, 1969.

6. Меркушев М.Н. Преступная самонадеянность и сознание общественной опасности деяния // Проблемы уголовного права: сб. ст. / под ред. И.С. Тишкевича. Минск: Изд-во БГУ, 1976. С. 17–30.

7. Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. Изд. проф. Малинина. СПб., 2005.

8. Бабий Н.А. Квалификация убийств. Минск: Тесей, 2009.

9. Грунтов И. Психологический и социально-психологический элементы содержания вины и законодательная модель неосторожности // Суд. вестн. 2008. № 2. С. 56–61.

С.В. Ананич, доцент кафедры уголовного права и криминологии УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Будучи наиболее строгой формой государственного принуждения, уголовная ответственность призвана воздействовать определенным образом на лицо, совершившее преступление и подвергнутое ее мерам. В ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь в качестве целей уголовной ответственности обозначены исправление и предупреждение.

В связи с этим законодательным положением, оценивая эффективность деятельности правоохранительных органов, наряду с такими критериями, как уровень преступности, раскрываемость преступлений, следует учитывать и степень реализации целей уголовной ответственности.

Практика применения мер уголовной ответственности, в числе которых основной выступает наказание, уже давно обозначила ряд проблем.

Согласно информации о работе общих судов в Республике Беларусь в 2010 г. нередко основанием для изменения судебного решения выступает необоснованно назначенное наказание. Приговоры районных (городских) судов отменялись с направлением на новое судебное разбирательство по следующим основаниям: ввиду неправильного оправдания (прекращения дела) (в отношении 23 лиц, 2,7 % отмененных приговоров), мягкости назначенного наказания (в отношении 128 лиц, 14,8 % отмененных приговоров), неисследованности, нарушения норм УПК (в отношении 700 лиц, 81 % отмененных приговоров). Изменялись приговоры в части квалификации действий осужденного (в отношении 73 лиц, 7,8 % измененных приговоров), квалификации действий осужденного и меры наказания (в отношении 241 лица, 25,7 % измененных приговоров), снижения меры наказания без переквалификации (в отношении 530 лиц, 56,6 % измененных приговоров), изменения назначенного судом для отбывания режима исправительного учреждения (в отношении 93 лиц, 9,9 % измененных приговоров) [1, с. 18].

При достаточно большом перечне видов наказаний, предусмотренном в ст. 48 УК, применение многих из них имеет ограничения по кругу лиц. Например, наказания, связанные с привлечением осужденного к труду, не могут применяться к лицам, в отношении которых законодательством не допускается принудительное трудовое воздействие. Общественные и исправительные работы, ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа не могут быть назначены лицам, не достигшим 16-летнего возраста, женщинам в возрасте свыше 55 лет, мужчинам в возрасте свыше 60 лет, беременным женщинам, лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, инвалидам (ч. 4 ст. 49, ч. 3 ст. 52, ч. 4 ст. 55 УК). В то же время ст. 57 УК «Лишение свободы» не имеет никаких ограничений в назначении данного наказания.

О кризисе наказания в виде лишения свободы свидетельствует постоянное осуществление государством актов амнистии, которые наряду со смягчением уголовной ответственности решают и проблему переполненности колоний. Говоря о ней, обратить внимание следует не только на материальные и организационные проблемы в связи со значительным количеством лиц, осужденных к лишению свободы. Лише-